

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ІЮНЬ, 1911 Г.

ИЗЪ ИСТОРИИ КУЛЬДЖИНСКАГО ВОПРОСА.

ЕДАВНО возникшія недоразумѣнія наши съ Китаемъ наводятъ на мысль познакомить читателей съ однимъ историческимъ эпизодомъ давно забытымъ, да врядъ ли даже и въ свое время достаточно замѣченнымъ русскимъ обществомъ, мало интересовавшимся на шей азіатской политикой. Дѣло идетъ о Кульджѣ, справка о которой можетъ быть небезполезной, въ виду будущихъ событій, теперь еще далеко неясныхъ и неопредѣленныхъ, но могущихъ впослѣдствіи придать чрезвычайное значеніе этой странѣ.

Въ 1871 году туркестанской администраціи пришлось обратить особенное вниманіе на границу нашу съ западными провинціями Китая, прилегавшими къ Семирѣченской области.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ здѣсь вспыхнуло возстаніе среди китайскихъ мусульманъ, извѣстныхъ подъ именемъ дунганъ. Вслѣдъ за ними поднялись и другіе мусульманскіе народцы, жившіе по обѣ стороны Тянь-Шанскаго хребта, и возмущеніе охватило весь Восточный Туркестанъ ¹⁾ и Джунгарію. Китайцы и ихъ войска частью бѣжали, частью были истреблены; владычество Китая пало, и вмѣсто него образовалось нѣсколько независимыхъ владѣній, которыя, однако, вскорѣ вступили въ междоусобныя распри. Въ конечномъ результатѣ этого движенія было то, что большая часть бывшихъ китайскихъ подданныхъ дунганъ признала надъ собой власть правителя Кашгаріи Якубъ-бека (кокандца по происхожде-

¹⁾ Этотъ Китайскій Туркестанъ не надо смѣшивать съ средне-азіатскими владѣніями Россіи, поселящими то же названіе.

нію), а въ Илійской долині, или Кульдѣжѣ, стало господствовать довольно воинственное племя таранчей. Побѣды надъ китайцами сопровождались страшными жестокостями, впрочемъ, таранчи оплачивали лишь тѣмъ, что сами отъ нихъ терпѣли; для избѣжанія мученій множество китайцевъ прибѣгло къ самоубійству, а илійскій губернаторъ «цзянь-цзюнь со всѣми вельможами, исполняя свой долгъ преданности» ¹⁾, взорвался на воздухъ въ 1866 году.

Дунганское возстаніе, быстро распространившееся до нашихъ предѣловъ, отозвалось невыгодно на спокойствіи нашихъ пограничныхъ киргизовъ. Для удержанія ихъ отъ всякаго волненія и вмѣшательства въ дѣла инсургентовъ, а также для обезпеченія Семирѣчья отъ вторженія мятежныхъ шаекъ было разрѣшено въ 1865 году выставлять отряды на границѣ съ бывшимъ Западнымъ Китаемъ. Пограничные посты приносили, конечно, свою пользу, но не могли исполнѣ оградить нашу область отъ грабительскихъ набѣговъ, которые безпрестанно и происходили, вызывая столкновенія—часто кровавыя. Таранчинскій султанъ Абиль-Огль, хотя и входилъ въ сношенія съ семирѣченскимъ губернаторомъ по этимъ поводамъ, но, очевидно, былъ не въ состояніи навести порядокъ. Между тѣмъ пекинское правительство не принимало никакихъ мѣръ для восстановленія своей власти и не вызывало новыхъ войскъ для возвращенія себѣ отторгнутыхъ владѣній. Политическая же неурядица въ этой странѣ нарушала и наши торговые интересы. Пассивная роль Россіи вредила нашему престижу и не соответствовала положенію сильной державы, занятому ею въ Средней Азій.

Это особенно стало замѣтно на поведеніи кашгарскаго правителя Якубъ-бека, который не только началъ относиться къ намъ непріязненно, но осмѣлился даже задержать въ Кашгаріи торговый караванъ русскаго купца Хлудова; когда же по этому поводу къ хану былъ отправленъ капитанъ Рейнталь, то Якубъ-бекъ отклонилъ заключеніе торговаго договора и, продержавъ посла двѣ недѣли взаперти, отправилъ его ни съ чѣмъ. Между тѣмъ, въ то же время зазнавшійся ханъ завязывалъ сношенія съ англійской Индіей и оказывалъ широкое гостепріимство англичанамъ, явившимся въ Кашгаръ подъ предлогами то торговыхъ, то научныхъ цѣлей (Шау, Говардъ, Форсайтъ), но съ несомнѣнными намѣреніями вредить Россіи. Было извѣстно, напримѣръ, что вмѣстѣ съ великобританскимъ агентомъ Форсайтомъ пріѣхало въ Кашгаръ 300 англичанъ, которые занимались тамъ приготовленіемъ оружія ²⁾. Были также вѣскія указанія на намѣренія Якубъ-бека овладѣть сосѣдней намъ Кульдѣжой.

¹⁾ Китайская записка. «Р. Вѣстникъ», т. ХСІХ.

²⁾ «Туркестанскій Вѣд.» 1875 г., № 5.

Какъ ни былъ миролюбиво настроенъ туркестанскій генераль-губернаторъ, но совокупность всѣхъ обстоятельствъ подвинула его на рѣшеніе положить конецъ пограничнымъ неурядицамъ, возстановить русскіе торговые интересы внутри страны и научить и восточныхъ сосѣдей должному уваженію къ Россіи, какъ этому недавно были научены Кокандъ и Бухара. Поэтому въ 1871 г., въ маѣ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ предписалъ пограничному губернатору, генераль-майору Колпаковскому, занять Илійскую провинцію (Кульджу). Такъ какъ военная сторона дѣла не представляла особенныхъ трудностей, то и была возложена исключительно на мѣстныя силы Семирѣченской области.

12 іюня началось наступательное движеніе, а 22 іюня вся Кульджинская область безпрекословно покорила русскою власти. Такой быстрый успѣхъ можетъ быть объясненъ столько же слабостью противника, сколько и ненавистью населенія къ китайцамъ, боязнью ихъ возвращенія и искреннимъ желаніемъ мусульманскихъ племенъ вступить въ подданство Россіи. Веюду, куда приходили войска, ихъ встрѣчали хлѣбомъ-солью, и по водвореніи отрядовъ въ городахъ мирная обывденная жизнь тотчасъ же вступала въ свои права.

Чтобы отклонить всякое подозрѣніе въ самовосхваленіи, мы не будемъ пользоваться реляціями и донесеніями русскихъ военнo-начальниковъ, а приведемъ выдержки о совершившемся событіи изъ любопытнаго китайскаго документа ¹⁾.

Незначительный чиновникъ, нѣкій Лю-Цюнь-Хань, очевидецъ происшедшаго, «съ почтительностью представляетъ проникательному вниманію изложеніе о томъ, какъ войско, посланное небомъ, спасло жизнь людей; какъ въ 4-ой лунѣ 3-го числа великаго русскаго государства семирѣченскій цзянь-цзюнь (генераль) съ нѣсколькими тысячами русскаго войска ²⁾ съ Борохурчжара посланъ на наказаніе Или. Объ этихъ обстоятельствахъ, о томъ, какъ русское войско вступило въ Или и, въ пять дней давъ три сраженія, покорило Илійскую землю, въ которой считается девять городовъ, нѣсколько десятковъ лагерей сабо и монголовъ, 80 ущелій туркестанцевъ—какъ сохранило жизнь нѣсколькимъ тысячамъ Таранчей и китайскихъ мусульманъ, по истинѣ и въ подробности довожу съ почтительностью до воззрѣнія высочайше назначеннаго цзянь-цзюня и главнокомандующаго, прося доложить богдыхану, несказанно заботящемуся о жизни людей».

Описавъ походное движеніе русскихъ войскъ и занятіе ими нѣкоторыхъ городовъ, китайскій лѣтописецъ говоритъ: «Семирѣченскій цзянь-цзюнь успокоилъ всѣми мѣрами находившихся въ Сайдинъ-чэнъ (гор. Суйдунъ) манчжуровъ-китайцевъ, какъ военныхъ,

¹⁾ Китайская записка. «Р. Вѣстникъ», ХСІХ.

²⁾ Войскъ этихъ было всего 1750 человекъ.

такъ и гражданъ, равно какъ и китайскихъ мусульманъ, не причинивъ вреда никому: даже ни одной травкѣ, ни одному деревцу, ни одной курицѣ, ни одной собакѣ не было нанесено никакого вреда и ущерба ни на волосъ».

Далѣе онъ доносилъ, что «хотя туркестанцы¹⁾ на словахъ покорились, но ихъ ядовитыя мысли еще не исчезли: не мало было случаевъ, что въ захолустьяхъ (очевидно, гдѣ не было русскихъ), поймавъ манчжура или китайца,—убивали ихъ. Къ счастью, небо не допустило прекратиться человѣческому роду и нынѣ великаго русскаго государства семирѣченскій цзянь-цзюнь, съ войскомъ, проникнутымъ человѣколюбіемъ и истиной, успокоилъ вселенную. Иностранное владѣніе спасло народъ отъ огня и воды, утвердило въ 4 страны безъ малѣйшаго вреда, такъ что дѣти не пугаются, а народы не безъ радости и восторга покоряются».

Какъ ни наивны донесенія этого безпристрастнаго свидѣтеля о благополучіи куръ, травъ, собакъ и иныхъ существъ, но трудно краснорѣчивѣе констатировать какъ доблесть русскихъ войскъ и ихъ дисциплину, такъ и ту особенную черту жалостливаго и великодушнаго русскаго характера, которая, очевидно, поразила китайца, привыкшаго къ совершенно инымъ приемамъ со стороны народовъ-побѣдителей...

Вся экспедиція стоила 65 т. руб. и покрылась контрибуціей съ мѣстныхъ жителей. Ближайшей цѣли своей она вполне достигла: всякіе беспорядки на нашей границѣ прекратились, а внутри занятой провинціи наступило спокойствіе,

Рѣшительная и разумная политика сразу повліяла и на сосѣдній Кашгаръ. Якубъ-бекъ понялъ опасность и поспѣшилъ, несмотря на подстрекательство англичанъ, отправить туркестанскому генераль-губернатору письмо съ изъясненіемъ желанія вступить въ болѣе пріязненныя и близкія сношенія съ Россіей. Послѣдствіемъ этого была отправка въ Кашгаръ подполковника Каульбарса, который и заключилъ съ Якубъ-бекомъ договоръ, совершенно тождественный съ договорами, продиктованными въ 1866 г. Коканду и Бухарѣ.

Дальнѣйшее рѣшеніе вопроса о Кульджѣ зависѣло уже не отъ мѣстной власти: хотя при образованіи туркестанскаго генераль-губернаторства К. П. Кауфману были даны широкія полномочія объявлять войну, когда, по его мнѣнію, обстоятельства этого требуютъ, а также заключать миръ на условіяхъ, какія онъ самъ признаетъ полезными и отвѣчающими достоинству Россіи,—но полномочія эти распространялись лишь на сосѣднія мусульманскія государства и не могли касаться Китая, столѣтіями сносившагося съ нашимъ центральнымъ правительствомъ. Вынужденное занятіе

¹⁾ Т. с. тарапчи.

Кульджи, этой, нѣкогда, части Небесной имперіи, было лишь случайнымъ эпизодомъ въ исторіи туркестанскихъ завоеваній, а потому, донося объ этомъ въ Петербургъ, генераль Кауфманъ испрашивалъ указаній на дальнѣйшую политику въ настоящемъ дѣлѣ. Только тамъ могли рѣшить: считать ли Кульджу, находившуюся въ теченіе семи лѣтъ во власти таранчей, самостоятельнымъ мусульманскимъ владѣніемъ, подлежащимъ при данныхъ условіяхъ присоединенію къ Россіи, или признавать ее провинціей Китая, но лишь возмутившейся?

Изъ Петербурга послѣдовало увѣдомленіе, что провинція будетъ возвращена Китаю; что богдыханъ освѣдомленъ о временномъ занятіи ея, ради водворенія тамъ мира и спокойствія, и что съ пекинскимъ правительствомъ начаты переговоры объ условіяхъ передачи ему въ обратное владѣніе умиротворенной страны.

Такой постановкой вопроса о Кульджѣ Россія еще разъ доказывала Китаю свою дружбу, а міру—свое безкорыстіе,—всегда забываемое и никѣмъ не цѣнимое, добавимъ мы...

Какъ ни желательно было туркестанской администраціи, въ виду послѣдовавшаго рѣшенія, наискорѣйше сдать Китаю его провинцію, чтобы не вводить въ заблужденіе населенія, надѣявшагося примкнуть къ Россіи, а не вернуться во власть ненавистнаго ему и жестокаго Китая, но исполнить этого не представлялось пока возможности: некому было передать управленія, такъ какъ китайскія власти частью самонстребились, частью были убиты; некому было собрать и дезорганизованныя и разбѣжавшіяся войска. Съ уходомъ же русскихъ поднялась бы, конечно, прескляная анархія. Волей-неволей приходилось оставаться и ждать новыхъ властей и войскъ. Но китайцы не торопились приходить, увѣренные, вѣроятно, что мы добросовѣстно сдержимъ наше обѣщаніе и будемъ охранять ихъ владѣніе, пока это будетъ имъ удобно... Не торопилось и наше министерство иностранныхъ дѣлъ понукать ихъ, несмотря на многократныя и усиленныя просьбы генераль-губернатора покончить съ этимъ дѣломъ.

Годъ проходитъ за годомъ и, вопреки желаніямъ и намѣреніямъ Россіи, за долгій періодъ проволочки въ разрѣшеніи этого вопроса (ровно десять лѣтъ) намъ пришлось держать въ Кульджѣ не только войско, но и учреждать военные и гражданскія управленія. Справедливое и гуманное отношеніе ко всѣмъ народностямъ, населявшимъ край, привлекло къ русскимъ всеобщее уваженіе и симпатіи; жизнь вполнѣ паладилась и шла мирно и спокойно. Широко развившаяся торговля и промышленныя предпріятія и необыкновенная дешевизна жизни влекли въ богатѣйшую провинцію, съ прекраснымъ климатомъ, массу частныхъ предпринимателей, и въ китайскихъ городахъ обоспывались разныя фирмы и факторіи. Въ городѣ Кульджѣ выстроилась русская церковь, строились

русскіе дома, появились даже русскіе извозчики. Устроился здѣсь и русскій литейный заводъ, и замѣчательно, что первой его работой была отливка церковныхъ колоколовъ для приходскихъ храмовъ въ городѣ Вѣрномъ. Всѣ привыкли къ мысли (и не желали съ ней разстаться), что край занятъ Россіей и «дѣти не пугались, а жители не безъ радости и восторга подчинялись».

Это, конечно, служило къ славѣ Россіи, было лестно и туркестанской администраціи; но послѣдняя, хорошо освѣдомленная, предвидѣла, что слишкомъ продолжительная оккупация Кульджи создастъ со временемъ, при ея сдачѣ, немалыя затрудненія.

Между тѣмъ, благодаря водворившемуся спокойствію и присутствію русской власти въ странѣ, начали ободряться и китайцы и мало-по-малу поднимать головы. Вѣжавшіе во время дунганскаго возстанія въ наши предѣлы стали теперь возвращаться въ города, благо тамъ было безопасно. Подходили изъ внутренняго Китая и военные отряды, не осмѣливавшіеся на то до занятія Кульджи русскими.

Изъ Джунгаріи стали доходить извѣстія, уже съ 1875 года, что съ появленіемъ тамъ китайцевъ возгорается старая вражда между ними и дунганами. Русскимъ, однако, не приличествовало впутываться въ ихъ счеты, тѣмъ болѣе, что рѣшеніемъ петербургскаго правительства администрація туркестанская обязана была видѣть въ китайцахъ законныхъ властителей страны.

Такимъ образомъ, съ благосклоннаго разрѣшенія русской дипломатіи, китайцы начали вновь завоевывать отнявшія отъ нихъ земли, на что, однако, они не рѣшались въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Русскимъ же, занимавшимъ Илійскую провинцію, приходилось только быть зрителями разыгрывавшихся событій. Въ кульджинскій районъ китайскіе военные отряды не осмѣливались, однако, показываться, а лишь распространяли слухи, что Китай уплачиваетъ Россіи десять милліоновъ таэлей за возвращеніе ему Кульджи.

Первымъ объектомъ ихъ завоевательныхъ плановъ была Джунгарія, куда уже лѣтомъ 1876 года они и вступили, занявъ область Шахо. По донесенію капитана Пѣвцова, конвоировавшаго русскій караванъ съ хлѣбомъ, войскъ китайскихъ прибыло до сорока двухъ тысячъ. Раздѣлившись на три корпуса, они начали осаждать крѣпости Манасъ, Урумчи и Турфанъ ¹⁾. Несмотря, однако, на численное свое превосходство и на лучшее вооруженіе, китайцы встрѣчали сильнѣйшій отпоръ и въ теченіе почти полугода не могли совладать ни съ одной крѣпостью. Дунгане, ихъ защищавшіе, дрались, какъ львы. Такъ, напримѣръ, Манасъ отстояло всего семьсотъ человѣкъ противъ десяти тысячъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Замѣчательно, что нѣтъ болѣе непримиримыхъ и ожесточенныхъ

¹⁾ «Турк. Вѣд.», 12 октября 1876 г. № 40.

враговъ, какъ дунгане и китайцы, хотя они принадлежатъ къ одной расѣ и отличаются только тѣмъ, что дунгане исповѣдуютъ магометанство. Жестокія расправы, при малѣйшемъ успѣхѣ той или другой стороны, не поддаются никакому описанію. Въ концѣ концовъ Китайцы все-таки одолѣли, взяли всѣ три крѣпости, причемъ поголовно вырѣзали всѣхъ находившихся тамъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей взяли въ неволю.

Дальнѣйшее движеніе китайцевъ было на Кашгарѣ. Нужно сказать, что судьба имъ благопріятствовала. Въ маѣ 1877 года умеръ властитель Кашгара Якубъ-бекъ, человѣкъ сильной воли, державшій страну въ желѣзныхъ рукахъ. Онъ проболѣлъ всего 18 дней, и о смерти его носились разные слухи, предполагавшіе отраву. Ничего нѣтъ мудренаго, что китайцы сумѣли найти человѣка, который ее и поднесъ опасному имъ врагу. По смерти Якубъ-бека въ царствѣ его начались распри за престолъ; назначенный имъ послѣдникъ былъ убитъ роднымъ своимъ братомъ, который и объявилъ себя ханомъ. Но его признала таковымъ только западная часть Кашгара; восточная же избрала правителемъ Хакимъ-Ханъ-Тюрю. При этихъ междоусобіяхъ китайцамъ было не трудно завоевать Кашгаръ, что и случилось уже въ концѣ 1877 года.

Въ одномъ частномъ письмѣ К. П. Кауфманъ писалъ изъ Ташкента: «15 декабря 1877 года. Здѣсь получено извѣстіе, что Кашгарское ханство, это излюбленное дѣтище англичанъ, это могущественное, по ихъ мнѣнію, мусульманское государство, которое затруднить наше—по ихъ пониманію дѣла—наступательное движеніе въ Индію, пало. Оно занято китайцами. Бекъ-Кулибекъ (ханъ) бѣжалъ въ наши предѣлы, о чемъ и написалъ мнѣ письмо. Какъ, однако, легко создаются въ Средней Азіи царства и какъ легко падаютъ! Кашгарское, наиримѣръ, созданное мощною рукою Якубъ-бека, просуществовало двѣнадцать лѣтъ. Можетъ быть, лѣтъ черезъ двадцать—двадцать пять опять вырѣжутъ китайцевъ и опять создастся государство, которое покажется англичанамъ достаточно сильнымъ для того, чтобы помѣшать намъ двинуться, какъ мы, якобы, желаемъ, въ Остъ-Индію...»

Оставимъ китайцевъ управляться по-своему во вновь занятыхъ ими странахъ и обратимся исключительно къ разсмотрѣнію того, какъ отразилось ихъ водвореніе на границѣ двухъ нашихъ областей (Семірѣченской и Ферганской) и чѣмъ отплатили намъ китайцы за песомнѣнную услугу, оказанную имъ нашими дипломатами.

Ближайшимъ послѣдствіемъ появленія китайцевъ въ Джунгаріи и Кашгарѣ явилось бѣгство туземцевъ въ наши предѣлы. Еще китайцы не успѣли вполне овладѣть этими странами, какъ оттуда началась эмиграція, создавшая немало заботъ и затрудненій

туркестанской власти. Вотъ что писалъ по этому поводу К. П. Кауфманъ: «15 ноября 1877 г. Сегодня я получилъ извѣстіе, что въ Караколь (Семирѣченская область) прибыло уже тысяча двѣсти человѣкъ дунганъ и триста человѣкъ кашгарцевъ изъ Аксу и Турфана. Значить, предположеніе мое, что успѣхи китайцевъ еще требуютъ подтвержденія, нынѣ можетъ считаться доказаннымъ фактомъ. Весь этотъ людъ, уже прибывшій и ожидаемый, придется кормить. Правитель канцеляріи жметя, и еще не придумали мы съ нимъ средства выйти изъ денежнаго затрудненія. Ожидаютъ въ ту только сторону, т. е. въ Караколь, до пяти тысячъ эмигрантовъ; если каждому выходцу давать по 5 коп. въ день, что кажется не особенно роскошно, то придется расходовать 250 руб. въ день, или 7500 руб. въ мѣсяцъ. А сколько еще перейдетъ въ Ферганскую область. Вотъ затрудненіе, котораго мы не ожидали. Но одолѣмъ». Черезъ три недѣли онъ пишетъ: «Приготовилъ телеграмму Колпаковскому, чтобы разрѣшить ему давать по 5 коп. на взрослого и по 2½ коп. на ребенка менѣ десяти лѣтъ, всѣмъ выходцамъ изъ кашгарскихъ владѣній, по случаю появленія у нихъ китайцевъ. На этотъ предметъ я испросилъ по телеграфу и получилъ высочайшее повелѣніе объ употребленіи до пятидесяти тысячъ изъ доходовъ ферганской смѣты. Всего бѣжало къ намъ уже 1.650 человѣкъ, и ожидается еще до четырехъ тысячъ. Если китайцы займутъ Кашгаръ, то масса народу пойдетъ въ Ферганскую область, гдѣ тоже ихъ придется кормить»...

Ровно черезъ мѣсяцъ, когда ханство Кашгарское пало, предположенія генерала Кауфмана оправдались. Къ 18 декабря 1877 г. «пришло уже въ Ошъ (Ферганская область) 4 тысячи человѣкъ и еще ожидалось 8 тысячъ. Въ Семирѣчье пришло уже 2.800 человѣкъ, ожидалось еще тысячи двѣ. Всего выходцевъ ожидалось до 16 тысячъ, а можетъ быть и болѣе. Всѣхъ ихъ придется кормить и одѣть,—пишетъ К. П.,—кромѣ зажиточныхъ, т. е. кромѣ тѣхъ, которые успѣли запасться одеждою и деньгами. Конечно, они увеличатъ число населенія и со временемъ повліяютъ на доходность края, но на первое время это порядочное бремя, которое въ тягость намъ, ибо требуетъ большихъ расходовъ...»

Въ конечномъ подсчетѣ несчастныхъ бѣглецовъ, спасшихся у насъ отъ жестокостей китайцевъ, оказалось 26 тысячъ человѣкъ. Это были все мусульмане, честные, трезвые, трудолюбивые люди. И милосердая Россія всѣхъ ихъ приняла, какъ братьевъ, по христіанскому завѣту. Нельзя не обратить вниманія на фактъ, который отмѣчаютъ «Туркестанскія Вѣдомости»: «Замѣчательно, что въ то время, когда въ Европѣ, подъ ударами русскаго оружія, готова рушиться Турція, сильнѣйшее мусульманское государство, опора ислама, въ Азіи происходитъ обратное явленіе: Россія является покровительницею мусульманъ, водворяя порядокъ и безопасность

въ мусульманскихъ земляхъ. Въ русскихъ предѣлахъ ищутъ убѣжища всѣ, кому грозитъ опасность. Дунгане и кашгарцы толпами идутъ къ намъ, прося защиты отъ китайцевъ. Десятилѣтнее владѣніе русскихъ Среднею Азіею воспитало во всѣхъ окрестныхъ мусульманскихъ странахъ полное убѣжденіе не только въ непобѣдимости русскихъ, но и въ ихъ гуманности». Это же явленіе поразило шипкинскаго героя Радецкаго. Вотъ что онъ, между прочимъ, пишетъ изъ Адрианополя своему «старому товарищу» Кауфману: «Въ то время, когда во всѣхъ мусульманскихъ странахъ было противъ насъ возстаніе и велась священная война, въ одномъ только краѣ, бывшемъ когда-то гнѣздомъ мюридизма, царило спокойствіе и никакихъ покушеній противъ Россіи не дѣлалось. Я тебѣ не лъщу, говоря, что это слѣдуетъ отмѣтить на страницахъ исторіи, и, вѣроятно, это не забудется....»

Совсѣмъ съ иными чувствами относились здѣсь къ намъ «дружественные» китайцы. Едва только успѣли они утвердиться въ Джунгаріи и Кашгарѣ, какъ представитель китайской власти, Цзо-цзунтанъ принялъ неподобающій тонъ по отношенію къ Россіи. Онъ забылъ, а можетъ быть, и ни во что не ставилъ, донесеніе Лю-Цинъ-Ханя о томъ, какъ «къ счастью небо не допустило прекратиться человѣческому роду (т. е. китайцамъ) и нынѣ великаго русскаго государства семирѣченскій Цзянь-Цзюнь, съ войскомъ, прошикнувшимъ человѣколюбіемъ и истиной, успокоилъ вселенную» (т. е. Китай); что, благодаря лишь этому обстоятельству, «человѣческому роду» открылся путь для завладѣнія землями, гдѣ въ свое время его рѣзали, изъ которыхъ его изгнали. Не въ мѣру заносчиваго китайца раздражало присутствіе русскихъ въ Илійской провинціи, лежавшей какъ разъ между Джунгаріей и Китаемъ, и онъ задумалъ, не дожидаясь окончанія переговоровъ, которые велись въ Пекинѣ между нашимъ тамъ посланникомъ и пекинскимъ правительствомъ объ условіяхъ передачи Кульджи, отобрать ее отъ насъ силой. Обстоятельства и время для выполненія такого плана казались ему благопріятными. Хорошо освѣдомленный о тогдашнемъ положеніи Россіи, занятой войной съ Турціей, онъ зналъ также, что и вся сила туркестанскихъ войскъ была собрана въ противоположномъ концѣ края и направлена къ Афганистану, откуда петербургское правительство намѣревалось грозить Англіи, выхватывавшей въ это время изъ рукъ его плоды русскихъ побѣдъ въ Турціи. Новый нашъ сосѣдъ въ Средней Азіи не успѣлъ еще, однако, познакомиться съ умѣлой распорядительностью мѣстной власти, не оставлявшей безъ вниманія, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, ни малѣйшихъ затрудненій, откуда бы они ни угрожали спокойствію края, а потому и попробовалъ помѣряться

¹⁾ «Турк. Вѣд.», № 1, 1878 г.

силами съ незнакомымъ сосѣдомъ. Предлогомъ для начала своихъ непріязненныхъ отношеній къ Россіи Цзо-цзунтанъ избралъ вопросъ о выходахъ изъ Кашгара. Дѣло это выясняется нѣкоторыми частными письмами ген. Кауфмана, и, не вдаваясь въ лишнія подробности, воспользуемся этимъ достовѣрнымъ источникомъ.

«5 марта 1878 г..... Другое извѣстіе непріятнѣе, серьезнѣе и хуже. Ген. Колпаковскій телеграфируетъ, что онъ получилъ отъ Цзо-цзунтана изъ Кашгара письмо, которымъ этотъ китайскій главнокомандующій требуетъ выдать ему всѣхъ дунганъ съ ихъ предводителями. Требуетъ онъ, какъ телеграфируетъ Колпаковскій, дерзко и даетъ 50 дней срока для исполненія его требованій, послѣ чего угрожаетъ вторженіемъ войскомъ въ наши предѣлы. Очень было бы непріятно имѣть съ ними столкновеніе: ни славы, ни чести въ побѣдѣ надъ ними никакой; а между тѣмъ отрываютъ отъ дѣла, безпокойство и тревога есть, стоитъ дорого, а по положенію географическому мы можемъ имѣть съ ними дѣло въ трехъ-четыре мѣстахъ и долго, безъ конца. Или намъ надо ограничиваться отраженіемъ ихъ на всѣхъ пунктахъ и тогда, дѣйствительно, нельзя предвидѣть конца; ибо сегодня ихъ отразятъ, побьютъ, изобьютъ, положимъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они опять соберутся, опять сдѣлаютъ нападеніе, и т. д. Людей они не жалѣютъ. Если же намъ вторгнуться въ ихъ предѣлы, то пришлось бы завоевывать и присоединять къ имперіи пустыри, ненужныя намъ земли, охранять ихъ, расходовать на содержаніе войскъ и увеличивать число войскъ, ибо линія границы такимъ образомъ расширяется. Согласиться на возвращеніе китайцамъ дунганъ, не только по формѣ требованій Цзо-цзунтана неисполнимо, но и по существу дѣла; вѣдь китайцы считаютъ дунганъ отступниками отъ вѣры, измѣнниками государству и злѣйшими своими врагами. Дунгане тоже въ свое время не падали китайцевъ. Сколько бы ни просить китайцевъ о помилованіи дунганъ, они бы всѣхъ ихъ нещадно вырѣзали. А вѣдь къ намъ перешло дунганъ нѣсколько тысячъ. Они тоже люди. Слѣдовательно, и разговора не можетъ быть о выдачѣ этихъ несчастныхъ. Не изучилъ я еще вполнѣ характера китайцевъ и ихъ предводителя Цзо (Цзо—это фамилія, а цзунтанъ—чинъ или скорѣе званіе главнокомандующаго, потому его и зовутъ Цзо-цзунтанъ). Выйдетъ ли изъ всего этого война или войнишка, или ничего не выйдетъ—еще не знаю. Во всякомъ случаѣ не хотѣлось бы этимъ дѣломъ рукъ марать. Да дѣлать нечего. Я телеграфировалъ Колпаковскому выслать отрядъ на границу къ Кашгару».

«10-го марта 1878 года. Я получилъ телеграмму отъ Колпаковского, что, по свѣдѣніямъ, имъ собраннымъ, т. е. по сплетнямъ сартовскимъ, китайскія войска намѣрены вторгнуться къ намъ по четыремъ пунктамъ. Очень можетъ быть, что если они рѣшили

открыть намъ войну, то они именно вторгнутся съ 3—4 сторонъ. Я думаю, они всегда будутъ побиты; но въ то же время я пошлю вторгнуться и въ ихъ предѣлы наши войска, хотя бы съ одного только мѣста. Сейчасъ буду писать генералу Абрамову, чтобы онъ приготовилъ отрядъ и при первомъ движеніи китайцевъ въ наши предѣлы вступилъ бы въ Кашгаръ; а между тѣмъ усиливаю Колпаковского, дабы и онъ, въ свою очередь, могъ перейти въ наступленіе, когда случай представится. Обстоятельство это мнѣ очень непріятно; я никогда не занимался китайскими дѣлами, а теперь приходится изучать это новое, а главное—трудное дѣло. Я называю его труднымъ потому, что всѣ извѣстные мнѣ знатоки китайцевъ не знаютъ ихъ, ибо всѣ эти знатоки, при каждомъ случаѣ, другъ другу противорѣчатъ. Нечего дѣлать—начну учиться; можетъ быть, и выучусь, а, можетъ быть, дойду до того, что буду понимать китайцевъ, какъ понимаю среднеазіатцевъ. Какъ бы то ни было, мнѣ претитъ эта война, а между тѣмъ она представляетъ свои трудности. Она разбросана; это во многихъ отношеніяхъ неудобно: надо во всѣхъ мѣстахъ атаки быть достаточно сильнымъ для отраженія; а знать, гдѣ надо быть сильнѣе, гдѣ можно быть слабѣе,—конечно, трудно; почти нѣтъ на это твердыхъ указаній. Такъ какъ она разбросана, то самому нѣтъ возможности идти въ дѣло, а приходится сидѣть на мѣстѣ и распоряжаться отсюда. На каждомъ пунктѣ, а ихъ можетъ быть 5—6, надо имѣть храбраго, твердаго и распорядительнаго начальника. Это едва ли не самая большая трудность¹⁾. Снабженіе отрядовъ, удаленныхъ отъ главныхъ центровъ, тоже представляетъ много затрудненій. Сухари, патроны, снаряды и проч. надо все заранѣе предвидѣть и всѣмъ распорядиться. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ подобную войну трудною и мало славною; а, впрочемъ, послѣдствія покажутъ. Я уже взялся за это дѣло и понемногу втягиваюсь въ него со свойствами бульдога, который, когда вцѣпится, не можетъ самъ раздвинуть челюсти, чтобы освободить зубы».

«Три мѣсяца тому назадъ я опять писалъ въ министерства иностранныхъ дѣлъ и военное о необходимости возвратить китайцамъ Кульджу; что если мы не возвратимъ во-время, то наживемъ себѣ войну съ китайцами, войну самую непріятную, самую неблагоприятную, дорогую, бесплодную, которой по упрямству китайцевъ, всѣмъ извѣстному, нельзя предвидѣть конца. Вѣроятно, министерства заняты другими, болѣе важными дѣлами, отложили обсужденіе и рѣшеніе по возбужденному мною вопросу, и вотъ

¹⁾ Трудность эта создавалась лишь тѣмъ, что многіе опытные и доблестные туркестанскіе офицеры отправились послужить родинѣ въ турецкой войнѣ. Оставшіеся въ краѣ назначены были идти къ границѣ Афганистана, въ походъ, такъ неожиданно предписанный изъ Петербурга.

теперь исполнилось то, что я предвидѣлъ. Передача Кульджи китайцамъ давно бы уже приведена была въ исполненіе, если бы она зависѣла только отъ меня; теперь, конечно, не должно быть и рѣчи объ этомъ, разъ что китайцы предпринимаютъ отнять ее у насъ силой, нарушаютъ всякія принятыя международныя отношенія. Не правительство—правительству, а пограничный начальникъ грубо и дерзко объявляетъ пограничному начальнику дружественной державы, что онъ намѣренъ вторгнуться съ своими войсками въ чужіе предѣлы. Съ такими-то людьми приходится вести войну, которую по географическому положенію смежныхъ китайскихъ провинцій ничѣмъ закончить нельзя».

«13-го марта 1878 года. Сегодня я спрашивалъ Колпаковского, не нужно ли ему выслать, для усиленія средствъ обороны противъ вторженія китайскаго, одинъ батальонъ пѣхоты изъ Ташкента, который можетъ прибыть въ Вѣрное въ 22—25 дней на подводахъ. Передъ вечеромъ получилъ его отвѣтъ, что при «современномъ положеніи дѣлъ и настоящемъ составѣ войскъ надобности въ командированіи батальона не предстоитъ», а просить о командированіи команды саперъ. Относительно высылки на Нарынъ 50 человѣкъ саперъ я уже отдалъ приказаніе; они готовятся къ походу, на дняхъ выступятъ, такъ что въ началѣ апрѣля мѣсяца будутъ уже на мѣстѣ. Эти 50 человѣкъ стѣять болѣе, чѣмъ 100 человѣкъ другихъ, ибо, кромѣ того, что они дерутся, дерутся храбро, они парабатаютъ разныхъ укрѣпленій, чѣмъ усиливать позицію и тѣмъ увеличатъ силу нашу. Но, независимо отъ саперъ, я дѣлаю распоряженіе о высылкѣ отсюда на подводахъ одного изъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Признаюсь, сначала я радовался, что вся наша, т. е. Туркестанскаго края, восточная граница будетъ прилегать къ Китаю. А между тѣмъ выходитъ, что только что появившійся сосѣдь, главнокомандующій, впервые проявляетъ свои сосѣдскія отношенія дерзостью безпримѣрною въ исторіи, требуя выдачи ему спасающихся у насъ нѣсколькихъ тысячъ дунганъ-бѣдняковъ отъ поголовнаго избіенія, и только для того, чтобы имѣть удовольствіе зарѣзать, а предводителей ихъ—имѣть наслажденіе подвергнуть самымъ жестокимъ пыткамъ».

«30-го апрѣля 1878 года: Утро сегодня я все просидѣлъ за разборомъ телеграммы Гирса, шифрованной. Съ трудомъ справился съ чтеніемъ ея, а между тѣмъ говоритъ очень обыкновенныя вещи. Министерство одобряетъ вполнѣ принятую мною мѣру не выдавать китайцамъ Баянъ-Ахуна, спасагося у насъ предводителя дунганъ; и далѣе, что Бюцовъ, нашъ посланникъ въ Пекинѣ, убѣдясь, что китайскіе министры не желаютъ исполнить наши требованія по неоконченнымъ дѣламъ, и находя бесполезнымъ продолжать переговоры о сдачѣ Кульджи, уѣхалъ въ отпускъ изъ Пекина, на каковой имѣлъ уже прежде разрѣшеніе. Изъ этого видно, что

слухи, здѣсь распространенные, что китайцы намѣрены попытаться взять у насъ Кульджу силою,—принимаютъ нѣкоторую вѣроятность и потому надо быть на стражѣ и съ этой стороны. Нельзя думать, чтобы китайцы имѣли хоть какой-либо успѣхъ надъ нами; тѣмъ не менѣе, такъ какъ они много сосредоточиваютъ войскъ по ихъ обычаю, то не только нельзя ослабить семирѣченскихъ войскъ, но необходимо усилить ихъ сколько возможно, что мною и сдѣлано уже прежде».

Всѣ эти своевременныя, разумныя и быстрыя распоряженія не укрылись, конечно, отъ китайцевъ и сразу охладили ихъ пылъ. Упадокъ ихъ воинственнаго настроенія резюмируется послѣднимъ по этому дѣлу письмомъ К. П. Кауфмана отъ 14-го мая 1878 года.

«14-го мая 1878 года. Не помню, писалъ ли я вамъ, что я получилъ письма отъ китайскихъ начальниковъ: два отъ Лю-Шо, изъ Кашгара, и одно отъ Цзо-цзунтана, изъ Люджоу, гдѣ его резиденція. Оба они просятъ о высылкѣ имъ «воровъ» Бекъ-Кули и Баянъ-Ахуна. Бекъ-Кули—это сынъ Якубъ-Бека, законный его преемникъ, который, боясь измѣны своихъ подданныхъ, бѣжалъ изъ Кашгара къ намъ, бросивъ унаслѣдованный имъ престолъ. Китайцы называютъ его воромъ. Баянъ-Ахунъ—это предводитель дунганъ, которые уже много лѣтъ воюютъ съ Китаемъ, и который тоже, укрываясь отъ своихъ враговъ, спасся къ намъ. Слѣдовательно, тоже не воръ и не мошенникъ, а политическій преступникъ, предводитель цѣлаго племени, котораго я не выдамъ, конечно.—Лю-Шо пишетъ мнѣ между прочимъ, что онъ узналъ теперь только, какъ изъ моихъ писемъ и отъ людей, пришедшихъ съ нашей стороны, что войска мои сильны, а потому онъ не высылаетъ китайскихъ войскъ въ наши предѣлы, а надѣется, что я прикажу изловить и выслать къ нему просимыхъ имъ воровъ. Я вѣдь писалъ Лю-Шо, что если онъ вздумаетъ послать войска въ наши предѣлы, то для предупрежденія его я ему объявляю, что я привыкъ отвѣчать, такъ отвѣчалъ и буду отвѣчать—битьемъ тѣхъ, кто нарушаетъ неприкосновенность нашей границы. Вотъ онъ теперь и узналъ, что мои войска сильны... Затѣмъ онъ узналъ еще отъ людей, которые приходятъ съ нашей стороны, что «я всѣми любимъ и имѣю даръ устраивать и поддерживать хорошія отношенія со всѣми»,—такъ онъ надѣется на мою дружбу. Итакъ, тонъ письма его совершенно другой, чѣмъ тонъ первыхъ его писемъ. Это хорошо. Я имъ «воровъ» не вышлю, объяснивъ, что они не подлежатъ высылкѣ; а главное—потому еще, что китайскія власти и войска на границѣ Кульджи говорятъ; что они силою возьмутъ у насъ Кульджу. Пусть попробуютъ; мы имъ покажемъ, какъ удобно съ нами сдѣлаться».

Сдѣлаться съ нами китайцы не рѣшились, конечно, ясно понявъ, что дѣло будетъ не шуточное, и до поры до времени держали себя смирно.

Слѣдующій фазисъ кульджинскаго вопроса протекаетъ уже въ Петербургѣ.

Безплодные переговоры нашего посла Бюцова въ Пекинѣ побудили министерство иностранныхъ дѣлъ выработать здѣсь проектъ условій передачи Кульджи, согласуясь съ предположеніями уполномоченныхъ отъ пекинскаго правительства лицъ. Но этотъ разъ министерство не взяло на себя единолично рѣшеніе вопроса, а предложило образовать комиссію, куда, кромѣ дипломатовъ, были приглашены министры военный и финансовъ, а также туркестанскій генераль-губернаторъ. Комиссія начала свои засѣданія въ іюнѣ 1879 года.

Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ являлся, конечно, самымъ компетентнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, и ему было предложено высказать свой взглядъ. Изобразивъ въ подробностяхъ вышеизложенный ходъ событій, генераль Кауфманъ сводилъ свое мнѣніе всего лишь къ двумъ пунктамъ: 1) Кульджа должна быть сдана цѣликомъ всей своей территоріей, въ прежнихъ ея съ нами границахъ; и 2) за восьмилѣтнюю нашу оккупацию этой провинціи Китай обязанъ уплатить контрибуцію Россіи. По первому пункту генераль-губернаторъ далъ такое объясненіе: наша политика въ Средней Азіи за послѣднія 11 лѣтъ велась прямо и откровенно и пріучила сосѣдніе народы и ихъ властителей твердо вѣрить непоколебимости слова, разъ даннаго русскимъ правительствомъ.

Во всей Азіи было извѣстно, что Кульджа занята временно и обѣщана въ возвратъ Китаю, а потому данное слово должно быть честно и неукоснительно сдержано. Помимо этого обстоятельства, имѣющаго важное значеніе для престижа русской власти въ Средней Азіи, генераль Кауфманъ предупреждалъ, что китайцы не пойдутъ добровольно на уступку территоріи; если же ихъ будутъ къ этому принуждать, то непременно создадутъ намъ новыя затрудненія при передачѣ Кульджи.

Что касается контрибуціи, то она оправдывается не только значительными матеріальными и нравственными жертвами, понесенными Россіею за 8 лѣтъ оккупаци, но ею же должна оцѣниваться вся огромность прямо государственной услуги, оказанной Китаю Россіей. Всѣ событія, предшествовавшія занятію русскими Кульджи, ясно указывали, что весь Восточный Туркестанъ былъ для Китая потерянь, если не навсегда, то на десятки лѣтъ, и это настолько сознавалось самимъ Китаемъ, что онъ и не пытался возвращать себѣ потерянное. Только послѣ обѣщанія Россіи вернуть ему Кульджу, китайцы осмѣлились двинуться къ этимъ странамъ. Успѣхи ихъ въ Джунгаріи и Кашгарѣ объясняются единственно сдерживающимъ нашимъ присутствіемъ въ Кульджѣ, которую притомъ имъ и не приходилось вновь отвоевывать. Уведи мы наши войска оттуда при первомъ вступленіи китайцевъ въ Джунгарію,

нѣтъ никакого сомнѣнія, что кульджинскіе таранчи, соединившись съ дунганами и кашгарцами, одолѣли бы снова ненавистныхъ имъ китайцевъ. Такимъ образомъ, Китай всецѣло обязанъ Россіи не только возвращеніемъ Кульджи, но и приобрѣтеніемъ остальныхъ двухъ провинцій. Въ виду всего этого туркестанскій генераль-губернаторъ считалъ вполне законнымъ и справедливымъ потребовать съ Китая вознагражденія въ размѣрѣ 120 милліоновъ рублей. Изъ этой суммы будутъ уплачены расходы казнѣ по оккупацин Кульджи и также возмѣщены убытки тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые будутъ вынуждены ликвидировать тамъ дѣла, ибо съ водвореніемъ Китая многія условія станутъ непріемлемы. Весь же основной фондъ долженъ быть обращенъ на безотлагательно необходимую постройку желѣзной дороги между Оренбургомъ и Ташкентомъ, настоятельныя просьбы о которой разбивались о неизмѣнный отвѣтъ министра финансовъ, что на это нужно дѣло не находится средствъ.

Предложеніе генераль-губернатора подняло бурю протестовъ. Не было ничего удивительнаго, что наши дипломаты нашли такую постановку вопроса не отвѣчающей величію и достоинству Россіи. Эти изысканные джентльмены умѣли всегда величественно великодушничать за счетъ Россіи. (Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, имѣвшій даръ согласовать достоинство Россіи съ ея выгодами, въ это время уже совсѣмъ устранился отъ вліянія на дѣла). Но было удивительнѣе всего, что съ такимъ же негодующимъ протестомъ выступилъ министръ финансовъ адмиралъ Грейгъ. Онъ говорилъ, что Россіи неприлично уподобляться торгашеству Англіи, не пропускающей случая обогащаться за счетъ эксплуатируемыхъ ею націй; очень порицалъ Англію, а вмѣстѣ съ ней и проектъ генераль-губернатора. Удивленный и возмущенный его рѣчами, К. П. Кауфманъ отвѣтилъ ему: «Ваше высокопревосходительство напоминаетъ мнѣ гордаго испанскаго гранда, на плечахъ котораго надѣтъ плащъ, весь украшенный древними гербами и знаками высокаго достоинства; только печально, что подъ плащомъ онъ тщательно скрываетъ пустую и дырявую суму»¹⁾... Большинство членовъ коммисіи утверждало, что Китай не въ состояніи уплатить такой значительной контрибуціи. Предложеніе генераль-губернатора было отвергнуто и убытки наши по оккупацин за всѣ 8 лѣтъ свелись всего на пять милліоновъ!.. (Замѣчательно, что сами китайцы, распространяя въ Кульджѣ слухъ о выкупѣ ея у Россіи и назначая, конечно, наименьшую сумму, опредѣляли ее все-таки въ 10 милліоновъ таэлей; т. е. въ 20 милліоновъ золотомъ. Такимъ образомъ, за чечевичную

¹⁾ Грейгъ, обиженный, пожаловался государю на Кауфмана. Государь при первомъ представленіи ему А. П-ча, полусерьезно сказалъ: «А какъ же ты такъ публично дискредитировалъ моего министра финансовъ».

похлебку мы возстановили владычество Китая въ трехъ провинціяхъ. Очевидно, однако, самой комиссіи такая наша скромность показалась несообразной и, чтобы поправить дѣло, было постановлено, вопреки указанія генерала Кауфмана, отрѣзать въ нашу пользу часть кульджинской территоріи. Помимо того, что такимъ рѣшеніемъ дискредитировалось слово Россіи въ Азіи, мы наградили себя полосой земли, вовсе намъ ненужной, съ границей совершенно открытой, такъ какъ горные проходы, удобные для защиты, оставались все въ рукахъ китайцевъ.

«Кульджинское дѣло провалилось, кажется, всецѣмъ,—писалъ К. П. Кауфманъ 16 іюля 1879 года.—Впрочемъ, мое мнѣніе, при которомъ я остался одинъ, т. е. о необходимости оштрафовать китайцевъ крупною контрибуціею, я просилъ внести въ протоколъ, дабы оно осталось въ исторіи дѣла».

Туркестанскому генералъ-губернатору пришлось удовлетвориться лишь этимъ правомъ.

Такова была политика Петербурга.

Въ международныхъ сношеніяхъ политика сантиментальнаго безкорыстія и великодушія, въ ущербъ своему народу и государству, вызываетъ въ трезвыхъ національныхъ правительствахъ лишь улыбку снисходительнаго презрѣнія; а въ тѣхъ, на которыхъ изливается это великодушіе, стремленіе и дальше его эксплуатировать. Последнее не замедлило подтвердить намъ китайцы. Нашими болѣе чѣмъ скромными условіями Пекинъ остался очень недоволенъ, такъ недоволенъ, что уже въ слѣдующемъ 1880 году не пожелалъ мирно размежеваться съ облагодѣтельствовавшей его державой и сталъ въ отношенія настолько враждебныя, что приготовился объявить ей войну. Петербургъ увѣдомилъ объ этомъ туркестанскую власть, предписывая спѣшно двинуть сильный отрядъ къ Кульджѣ. Доблестныя войска быстро собрались и выступили. Когда же китайцы увидали, что войска, проникнутыя челоуѣколюбіемъ и истинною, стоятъ противъ нихъ во всеоружіи, и теперь уже, вѣроятно, не на время и не для нихъ займутъ Кульджу, тотчасъ же одумались и взяли назадъ свои угрозы.

Однако расходы по вызову войскъ изъ центра туркестанскаго края (за 950 верстъ) на этотъ разъ должны были оплачиваться изъ русской государственной суммы адмирала Грейга.

Фактическая передача Кульджи завершилась уже послѣ смерти генерала Кауфмана, въ 1882 году.

За протекшія 30 лѣтъ національный характеръ китайцевъ врядъ ли измѣнился. Они и теперь, вѣроятно, бываютъ зазорны, когда обстоятельства имъ благопріятствуютъ, и быстро понижаютъ тонъ, когда имъ противодѣйствуетъ настоящая сила. Это надо помнить. Воз-

можно, что теперь они вооружены и обучены настолько лучше, что ни дунгане, ни таранчи съ ними не справятся. Но надо надѣяться, что традиціонная доблесть туркестанскихъ войскъ осталась прежней. И если въ то отдаленное время составъ 10—12-тысячной арміи успѣвалъ рѣшать всѣ затрудненія, возникавшія, хотя бы и одновременно, въ противоположныхъ концахъ края, то находящіеся теперь два корпуса въ Туркестанѣ сумѣютъ, конечно, съ прежней честью отвѣтить на какія бы то ни было сложныя и трудныя задачи. Надо имѣть въ виду, что если печальная судьба Россіи натолкнетъ ее на войну съ Небесною имперіею, то въ Кульджѣ и во всемъ Западномъ Китаѣ—скрытымъ врагомъ нашимъ, какъ всегда, будетъ Англія; открытой же союзницей будетъ та мусульманская ненависть къ китайцамъ, которая, конечно, не исчезла; и можно думать, что, когда «войска, проникнутыя человѣколюбіемъ и истинной», тамъ появятся, то, конечно, «дѣти не будутъ пугаться, а народы не безъ радости и восторга покорятся»...

В. С. Надниковъ.

